

В Е Р А Калачкава

Третий
ребенок
Джейн Эйр

Вера Александровна Колочкова
Третий ребенок Джейн Эйр
Серия «Секреты женского
счастья. Проза Веры Колочковой»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6899781
Третий ребенок Джейн Эйр: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-164433-8

Аннотация

Простодушная и сердобольная медсестра Таня была вполне довольна своей жизнью – жила вместе с любимой бабушкой в собственной квартире, вот, шубу себе с премии купила красивую, еда всегда в доме есть, ну а то, что не красавица и мужчины на нее не заглядываются, – да это ли главное?

И так уж получилось, что жизненный поворот в Таниной судьбе случился совсем недалеко от ее дома, в соседнем дворе. Из машины, преградившей путь, буквально к ее ногам вывалился маленький мальчик, а сама машина, едва успев отъехать, взорвалась... Таня спасла мальчишку, закрыв его собой. И это было только началом удивительных событий в ее жизни. Разве могла она подумать, что спустя несколько недель окажется вместе со спасенным Матвеем не где-нибудь, а... в Париже!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	49
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вера Колочкова

Третий ребенок Джейн Эйр

© Колочкова В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи...*
Анна Ахматова

Глава 1

Таня Селиверстова тихо шла с работы, осторожно ступая бескаблучными ботинками по грязной тротуарной наледи, словно плыла лебедью в сиреневых и ветреных февральских сумерках. Таня Селиверстова была очень счастливым человеком. По крайней мере, так она сама про себя совершенно искренне полагала. А как же иначе? У нее, Тани Селиверстовой, собственность-недвижимость своя имелась? Да, имелась – однокомнатная квартирка-хрущевка в тихом спальном районе. А работа любимая у нее имелась? Да, и работой любимой ее судьба не обидела – Таня Селиверстова на сегодняшний день числилась самой лучшей хирургической сестрой в своей больнице. И даже более того – роскошная шуба из кусочков норки у Тани Селиверстовой имелась! То ли из лобиков дорогого зверька были эти кусочки, то ли из брюшек, то ли из других каких потаенных норковых местечек, она уже и не помнила. Все одно – шуба шикарная. Перед новогодними праздниками Таня ее купила, ухнула на эту роскошь всю премию, завоеванную в честном бою, то есть в проводимом в их больнице ежегодном конкурсе медсестер. Все десять тысяч, полученных призом за первое место, и отвалила – бешеные просто деньги... Ну как, скажите, при таких обстоятельствах на судьбу жаловаться и не считать себя самым на свете счастливым человеком? Балует она ее, судь-

ба-то, сыплет подарками, только руки подставляй...

Так вот и с квартирой, например, получилось. Именно ее выбрала к себе в сиделки бабушкина городская сестра тетя Клава. Детей у нее своих не было, здоровья тоже к старости не осталось никакого, вот она и приехала к ним в Селиверстово – жиличку-сиделку из многочисленных племянниц себе присмотреть. Ну, не за просто так, конечно, а все как предполагается, с завещанием квартирным, с нотариусом...

Вообще, тетя Клава деревенскую свою родню никогда не привечала. Как уехала в молодости в город, так и не появилась в родных местах больше ни разу. Разное про нее в деревне говорили. Будто в городе, чтоб закрепиться, пришлось ей долго работать на производстве вредном и тяжелом, а потом и за вдовца престарелого замуж выскочить, молодостью своей попуститься только ради этой вот квартиры, которая теперь Тане по завещанию досталась. Когда она в деревне вдруг появилась, бабушка Танина и не признала ее с ходу. А мать и вовсе в первый раз увидела. Совсем по-городскому эта тетя Клава выглядела – с короткой седой стрижкой, в брючном костюме, худая как палка. Это уж потом выяснилось, отчего она такая худая была, вроде как и не в породе их, в селиверстовскую, телом тяжеловесную. Просто болезнь ее точила, давно уже. И тело источила, и характер...

Почему тети-Клавин глаз тогда именно на Таню лег, никто и не понял. Старшие сестры Нина да Тамара уж так старались тете Клаве понравиться! Сильно им хотелось в город

на жительство переехать. А Таня и не старалась вовсе. Наоборот, в сторонке все держалась. Она тогда только-только школу-восьмилетку деревенскую окончила и вроде как при деле была – с младшим Петькой нянчилась. Матери-то уже трудно было со всем хозяйством управляться, надорвалась она. Да и то, шутка ли в самом деле в сорок три года пятого ребенка родить... И все равно ее, незаметную Таню, тетя Клава выбрала. Сказала: «Самая она из всех вас, девки, для меня подходящая». Так вместе с ней Таня в город и уехала, в медучилище сразу же поступила, как ей тетя Клава и присоветовала. И даже не присоветовала, а напрямую ее туда направила – сказала: «Будешь потом по всем правилам меня обихаживать». Чтоб, мол, умела и укол поставить грамотно, и давление смерить, и обмыть-убрать утром, свою рожу не покрывивши от отвращения...

Слегла тетя Клава как раз после того, как Таня окончила медучилище и на работу в больницу определилась. Подгадала словно. Хотя и грех так говорить – подгадала. Болезнь, она ж человека не спрашивает, когда на него окончательно напасть да свалить в постель с полной немощью. Вот тут уж пришлось Тане несладко. Целых семь лет свету белого не видела да ночь ото дня не отличала. Вьюном крутилась между домом и больницей. Подружки ее деревенские успели уж за это время замуж повыскакивать да детей себе народить, а она с теткиними пеленками провозилась вместо ребячьих... Но все бы это ничего еще было, она к работе с детства при-

вычная. С теткинским характером совладать она не могла, вот что ее огорчало. Уж как ни старалась, а той все плохо. Всю обиду на трудную жизнь да на свою немощь тетя Клава на Тане выместила. И чашки-плошки в нее летели, и проклятия всякие – лучше и не вспоминать. Да еще и с деньгами как-то надо было выкручиваться – на лекарства их столько уходило, что ни теткиной пенсии, ни Таниной зарплаты, вместе сложенных, на те лекарства не хватало. А тетя Клава и слышать ни о чем таком не хотела. И лекарства требовала, и котлетки из телятинки рыночной. И все норовила жилплощадью упрекнуть да в жадности ее обличить. Мол, осчастливила я тебя, а ты...

Таня на нее ни разу не обиделась. Терпела. Да и то – как на больного человека обижаться? Тетка ведь не на нее сердилась, она на немощь свою сердилась. Но немощь, ее ведь перед глазами живьем не видно, а Таня – вот она, мелькает туда-сюда то с тарелками, то со шприцем, то с чистыми простынями-пеленками...

На тети-Клавины похороны съехалась вся деревенская родня. Таня в большие долги влезла, чтоб угощение номинальное справить. У всех подряд в больнице занимала, кто давал. Народу-то много понаехало, даже старую бабку Пелагею, младшую тети-Клавиной сестру, привезли. А когда все расселись за столом плечом к плечу да выпили по первой за упокой тети-Клавиной души, мать Танина слово держать стала:

– Что ж, Татьяна, молодец ты у меня, ничего не скажу. Тянула ты свою обузу долго и честно, доходила тетю Клаву, тут греха на тебе никакого нету. И хоромы эти по праву твои теперь. А только знаешь ли, девка... – Мать строго взглянула из-под черного, повязанного до самых бровей платочка, вздохнула тяжко, будто извиняясь заранее, и продолжила сердито: – А только не жирно ли тебе будет одной тут барствовать, когда сестры-братья твои по углам ютятся? Мы вон в одном доме тремя семьями живем, по головам ходим... У Тamarки уж трое народилось, а дома своего так и нет. Вот мы и порешили тут, когда узнали о Клавдиной кончине, что переселим Тamarку с семьей в мамину избушку. Она хоть и неказиста, да все равно своя крыша над головой у них будет. А маму нашу, стало быть, к тебе...

Бабушка Пелагея, та самая «наша мама», тихо всхлипнула в застывшей над поминальным столом тишине, затеребила в коричневых жилистых пальцах мятый платок. Потом заголосила тоненько и робко, запищала тихим комариком на одной ноте, успевая проговаривать утробно:

– Лишили, ой лишили ироды родного угла на старости лет, лихоманка вас прибери... Всех на руках вынянчила, а теперь из родного угла выковырнули...

– Мама! Ну чего ты голосишь, ей-богу! – с досадой повернулась к бабке Танина мать. – Куда это мы тебя выковырнули? Ты же не в чужих людях, ты с внучкой родной жить будешь! Да и самое место здесь тебе, если по совести... Хоро-

мина-то эта не чья-нибудь, а сестры твоей! Да и лучше тебе здесь будет! Ни воды носить не надо, ни печку зимой топить...

– А девке что? Ты об ей, об Таньке-то, подумала? – слабо, будто боясь навлечь на себя еще большую досаду, проговорила бабка Пелагея. – Чего ж ей теперь, всю жизнь свою молодую на то потратить, чтоб за старухами ходить? И опнуть-ся девке толком не дали...

– Ничего. Она и с тобой хорошо опнется, – вступила в разговор и сестра Тамара, стрельнув в Таню завистливым взглядом. – Да и веселее ей будет. Все не одна. Правда, Таньк? А то живешь здесь ровно барыня...

За все три дня, пока суестились с похоронами да с поминальным столом, Тамара не подошла к младшей сестренке ни разу. Так, наблюдала за ней будто издали. И все примеривала к себе задумчиво Танино законное теперь жилье – то застывала надолго у окошка, скрутив бубликом дебелие, или, если выражаться по-городскому, целлюлитом попорченные руки, то в старом тети-Клавином кресле устраивалась поосновательнее да поудобнее плотным, некрасиво отвисшим к тридцати годам задом. Вот и получилось так, что обратилась она к ней за столом впервые. И даже несколько с вызовом – попробуй, мол, не ответь...

– Правда, Тамара. Конечно, правда. Веселее будет, – торопливо подтвердила Таня и часто закивала. – Конечно, пусть остается бабушка Пелагея...

И снова в наступившей тишине пробился пискom слабенький бабкин вой, и снова, сердито шикнув, махнула в ее сторону ладонью Танина мать. А махнув, она тут же и вздохнула облегченно, и уселась на место, подвинув к себе поближе тарелку с городской копченой колбасой. Слава богу, можно теперь и поесть спокойно, раз вопрос решен. Все время поесть некогда. Одни только заботы с этими детьми. Пока всех пристроишь мало-мальски, рассуешь по освободившимся углам...

А Таня и впрямь не возражала против такого материнского решения. Понимала – трудно им там. Заработать негде, дом новый поставить не на что. Гибнет деревня, спивается от полной безнадеги... Тем более и противу самой бабушки Пелагеи как таковой она ничего плохого за душой не имела. Они с ней всегда хорошо ладили. И в баньке, бывало, вместе парились, и огород копали, и пряник какой лишней гостевой бабка всегда для нее приберегала. Пусть живет. Не в тягость, а в радость.

Так бабка у нее на постоянное жительство и осталась. Уже полгода вместе живут. И хорошо живут, чего уж там. Она ее и в больнице своей подлечила немного, и заботится о ней от всей души. И балует, когда чем получится. И сейчас у нее в сумке пирожные для нее припасены. Эклеры. Страсть как бабка их полюбила, городские эклеры эти...

Вообще, бабка Пелагея очень быстро в городской жизни освоилась. И к еде новой быстро привыкла. И к благоустрой-

ству квартирному. Поначалу, правда, все старалась водой за-
пасться – не верилось ей, что она с утра и до вечера из кранов
бежать будет. А к унитазу сразу очень уважительно отнес-
лась. Очень одобрила: «Шибко умный горшок, дай бог здо-
ровья тому человеку, который его придумал». А потом еще
и подружек себе завела. Сидела с ними на скамеечке перед
подъездом, со страстью обсуждала жизнь живущего в доме
народа. А как же без этого? Она ж тоже человек, деревенская
бабка Пелагея, и без обмена информацией, как и без хле-
ба насущного, запросто погибнуть может. И в деревне своей
она все про всех знала. И про нее все и всё тоже знали. А
народ, в доме проживающий, пусть и не обижается. Подума-
ешь, посудачат немного бабки, помогут соседские косточки.
Не котировки же валют да не новые цены за баррель им на
скамеечке обсуждать...

В общем, жизнь общественная у бабки Пелагеи закипела
ключом. И даже, как и полагается по всем естественным за-
конам, разбился их маленький старушечий, но, как там ни
смотри, все же коллектив на два противоположных лагеря.
Одну его сторону составляли бабушки местные, в этом доме
всю свою основную жизнь прожившие и в нем же и состарив-
шиеся. Другую же сторону представляли бабушки приезжие,
сердобольными детьми из других мест к себе на жительство
да на достойное упокоение их уважаемой старости выписан-
ные. И споры между этими лагерями разгорались нешуточ-
ные, иногда и до рукоприкладства почти дело доходило...

– ...Ты погляди-ка на эту Лизку, Танюха, погляди только! – возмущалась за вечерним чаем бабка Пелагея. – Говорит, будто я из жалости у тебя живу, а она будто в своем доме хозяйка! Да какая она хозяйка, если дочка ее ни в грош не ставит! Только и ждет того, чтоб померла побыстрее, чтоб комнатнушку ее занять. Ну и что с того, что я из жалости? В жалость оно всегда лучше, чем в тягость...

– Да не слушай ты никого, бабушка Пелагея! – увещевала бабку совершенно искренне Таня. – Я очень даже рада, что ты со мной. Что мы, плохо живем, что ли? Да замечательно живем!

– И то, и то... – согласно кивала бабка. – А Лизка еще и на Макарьевну сегодня взъелась, которую Ивановы с пятого этажа из деревни перевезли. Говорит, будто перевезли ее во все не из-за немощи, а чтоб деньги за проданный дом себе прихватить...

– Да это она от зависти, бабушка, – махала рукой Таня, прихлебывая горячий чай из большой кружки. – Ивановы, они не такие. Они и без того дома хорошо обеспеченные. Просто им бабушку жалко, да и любят они ее.

– Таньк, а я-то тебе и впрямь не в тягость? А? Не лукавишь ли со мной, девка?

– Бабушка-а-а-а... – тянула возмущенно Таня и хмурила сердито белесые бровки. – Чего говоришь-то, сама не думаешь...

– Да ладно, Танюха... Верю я тебе, верю. На завтра-то чего

тебе постряпать? Напеку-ка я пирогов с капустой, на работу с собой возьмешь...

Пирогами бабкиными она и впрямь все хирургическое отделение закармила. Получались они необыкновенно вкусными, бабка умела как-то по-своему, по-деревенски, тесто ставить — с молитвой, как она сама выражалась. Таня и в самом деле видела, как она пришепetyвает что-то, колдуя над продуктами, и лучше к ней в этот момент и не лезть попусту. Врачи и медсестры уплетали те пироги за обе щеки да всяческие комплименты бабушке Пелагее просили передавать. Таня и передавала. И сама млела от этих комплиментов. Даже больше еще, чем бабка. Это потому, наверное, что очень уж хороший у них сложился коллектив в хирургическом отделении. Смена пролетала быстро, и усталости совсем не замечалось. Хотя и приходилось часами стоять за операционным столом. В эти часы Таня очень была сосредоточенна, будто не от хирурга, а именно от ее четких действий зависела жизнь беспомощного человека, распластанного на операционном столе. До того была сосредоточенна, что, казалось, все в ней этим средоточием заполнялось, снизу доверху, ни для чего другого места уже не оставалось. Только слух и острое чувство ответственности. Ей даже казалось иногда, что она наперед мысль хирурга успевает словить, до того еще, как эта мысль коротким словесным приказом обернется, и рука сама собой к нужному инструменту тянется. И еще ей казалось, что в тишине стерильной операционной всегда музыка зву-

чит. Ну, не совсем, может, музыка, а фон будто такой особенный, музыке той сродни. Строгий такой и совсем не навязчивый, а наоборот даже, помогающий обрести нужное делу средоточие. И опытный врач-хирург, будто дирижер, руководит этим торжественным средоточием – строгой музыкой спасения человеческой жизни. Хотя часто она бывает и очень тревожной, музыка эта. А иногда так и вовсе трагической. Всякое в их деле случается... А после операции наступала усталость блаженная. Очень, очень хорошая усталость. Такая бывает, наверное, от чувства человеческой кому-то необходимости, от хорошо сделанного тобою дела... Ну как, скажите, чувствуя такую вот приятную усталость, умудриться быть еще и несчастливой? Разве это возможно? И с работы она идет усталая и счастливая, и бабка Пелагея ждет ее дома с пирогами... Везде хорошо, везде ее счастье караулит! Мало того – даже дорога с работы домой теперь для нее в одно сплошное удовольствие превратилась. В новой шикарной шубе-то. Оно, конечно, вроде как и без шубы хорошо было, но отчего-то очень уж захотелось ей в эту городскую нарядную толпу влиться. В один момент вдруг захотелось. Она даже помнит в какой. Стояла как-то на остановке автобусной и вдруг увидела себя со стороны – просто чудище деревенское. Пальто цвета не-разбери-поймешь, такие уж сейчас и не носит никто. После сестры Тамары ей досталось. На голове шапка вязаная до самых бровей натянута. На руках варежки грубые, овечьей шерстью пахнут. А дамочки вокруг

красивые такие, в дубленках да шубах – загляденье одно. Вот тогда ей и запала в голову эта мысль – тоже шубу себе купить. Чтоб не хуже, чем у этих дамочек. Вот и купила. Все равно деньги эти, можно сказать, просто так ей на голову свалились. Там, на конкурсе медсестер, и задания-то были легкие совсем. И премиальных десяти тысяч рублей в аккурат на шубу хватило, специально они с бабкой Пелагеей на городской рынок за ней съездили. С цыганкой одной сторговались. Народу там было – тьма-тьмушая. Чуть не потерялись...

Таня вздохнула счастливо, подняла глаза в темнеющее февральское небо, улыбнулась благодарно – спасибо, мол, тебе, Господи... За все то счастье спасибо, что полными пригоршнями на меня сверху посылаешь. За то, что жизнь удалась. И на работе хорошо, и дома хорошо, и даже в дороге от работы до дома ей хорошо. А за шубу отдельное спасибо, Господи. Красивая такая. Трещит только, бывает, подозрительно, если в автобусной давке зажмут. Да это ничего, Господи, это не страшно. Можно и пешком пройтись, подумаешь. Она и любит вот так, пешком, с устатку, чтоб замерзнуть слегка, чтоб чаю потом горячего напиться вдоволь с бабкиными пирогами... А завтра еще и выходной, поспать подольше можно...

На этом счастливом моменте жизнь Тани Селиверстовой вздрогнула будто. Вздрогнула и поехала на обочину или крутой поворот дала – это уж с какой стороны посмотреть. Жаль, конечно. А что делать? Коварно эта наша жизнь земная чело-

веческая устроена. Несправедливо как-то. Окружит, к примеру, счастье человека плотным кольцом, и начнет он Бога благодарить за него, и вдруг будто обратным ходом и навлечет на себя неудовольствие Всевышнего. Спасибо, мол, говоришь? Благодарить меня, да? Успокоился да расслабился ты в земном своем бытии? А вот на тебе за это, получай новые испытания, чтоб душа твоя трудиться над ними не уставала, чтоб работала изо дня в день, еще более совершенствуясь.

Видно, не разглядел Господь там, на небе, чего-то относительно души Тани Селиверстовой. Куда уж ей более и совершенствоваться надо было, в какую такую сторону, совсем непонятно...

Глава 2

Жизненный поворот в Таниной судьбе случился совсем недалеко от дома, уже в проходном дворе. Осталось миновать его не спеша, нырнуть под арку, и все. И уже дома, считай. И бабка Пелагея сидит на скамеечке у родного подъезда, судачит с товарками, и все остальное пошло бы своим счастливым чередом. И пройди Таня этим проходным двором чуть пораньше, именно так бы все и случилось. Этим самым счастливым чередом. Но Таня раньше не прошла. А оказалась, как говорится, в нужный момент и в нужном месте. Вернее, в том самом месте, где нужнее всего была, если соблюдать порядок Божественной этой справедливости...

Она вообще не обратила внимания поначалу на эту машину современную. Мало ли их теперь, машин таких? Примелькались уже. Ну, черная. Ну, большая. Ну, очень «крутая тачка», наверное, если говорить городским модным языком. Ну, едет лихо прямо на нее, так ведь свернет, наверное, места ей мало, что ли? А не свернет, так Таня ей сама дорогу уступит, она не гордая...

Машина, или «крутая тачка», или как там их еще называют, мало того что никуда не свернула, она и Тане ей дорогу уступить не дала. Развернулась прямо перед ней со страшным визгом, обдав с ног до головы вылетевшим из-под колес волглым грязно-серым февральским снегом. И выбро-

сила, будто выплюнула ей под ноги, яркий сине-красный то ли сверток, то ли другой какой непонятный предмет. Заревев ярым быком и провернув по снегу нетерпеливо колесами, машина, чуть не снеся Таню квадратным своим лакированным боком, тут же рванула обратно под арку. Но выехать со двора так и не успела. Таня потом уже, вспоминая, как все это было, никак определить не могла очередности событий. Как ее определишь, очередность эту, если все происходит одновременно, в какую-то долю секунды? В ту как раз долю, когда ухо слышит страшный грохот, глаз видит взрыв, а еще этот глаз вдруг видит, что сверток сине-красный у нее под ногами отчаянно сучит ножками-ручками, пытаюсь подняться из кучки серого снега... А может, никакой очередности и не было. А что было тогда? А черт его знает. То самое, наверное, которое внутри у каждого человека сидит и ждет своего часа, которое заставляет кидаться сломя голову в горящую избу, где спит ребенок, или прыгать в полынью прямо в одежде, или на амбразуру вражеского дзота бросаться, как поступил герой по имени Александр Матросов. Таня помнит, как восхищенно рассказывала в школе на уроке истории про его подвиг учительница. Только ведь это и не подвиг никакой, получается? Потому что она тоже теперь героиня, выходит. Вот уж глупость, прости господи. Никакая она не героиня. Она просто упала тогда в прыжке на это сине-красное, отчаянно барахтающееся в грязной куче снега, подмяла под себя поглубже и замерла, торопливо и неуклюже пытаюсь

прикрыть голову руками. Не успела, садануло-таки по голове чем-то тяжелым. Не смертельно, конечно, но очень ощутимо. А потом еще и на спину упало что-то большое и горячее, отчего вся брюшина сжалась от боли и страха, и пришлось заставить себя плечами передернуть, чтоб сбросить с себя поскорей эту жгучую тяжесть. Хорошо, что она послушалась и впрямь сползла со спины на снег. Потом что-то по ноге ударило сильно, потом снова в голову прилетело... И гарью несло. И кашлять очень хотелось, спасу не было. Только она боялась кашлять. А потом голова сильно закружилась. И вдруг не стало ничего, замерло все. И у нее все внутри замерло. Почернело, прокоптилось насквозь и ненужным каким-то стало, только хрипело чуть-чуть и булькало сквозь редкие вдохи-выдохи. Она вообще не помнит, сколько так пролежала, уткнувшись лицом в снег. Потом почувствовала, как чьи-то руки легли на нее, потрогали голову, ощупали всю, потом вверх потянули. И она никак не хотела им поддаваться, все цеплялась руками в то сине-красное, теплое и очень хрупкое, что лежало под ней все это время и тряслось мелко. А потом, когда приподняли ее чужие руки и попытались посадить на землю, это сине-красное вдруг зашевелилось шустро и само вцепилось ручками-клещиками ей в шею. Крепко так, будто намертво. И снова она почувствовала, как оно трясется мелко-мелко, будто дрожью исходит...

Стоящий над ней мужик в черном брезентовом бушлате с нашивками все тряс и тряс ее за плечо, в лицо заглядывал и

губами шевелил непонятно. А потом у нее слух прорезался, резко и сразу, она даже вздрогнула от воя сирен и людских криков и еще крепче прижала к себе дрожащее тельце.

– ...Да не жми так ребенка, раздавишь! А где там «Скорая», не приехала еще? Ну ты даешь, мамаша... В рубашке, считай, родилась, раз жива осталась. И дите спасла...

Потом подняли ее с земли под руки и повели куда-то в сторону, прочь из этого проходного двора, и она все сопротивлялась и пыталась объяснить кому-то, что ей бы домой лучше попасть, что он, дом-то, совсем рядом, только через арку пройти... Потом она сидела на каком-то неудобном то ли стульчике, то ли ящичке, и незнакомая женщина с грустными перепуганными глазами обрабатывала ей рану на лбу, неумело тыча в нее большим ватным, сильно пропитанным йодом тампоном, и пальцы у нее были все в йоде и сильно дрожали, и вся она сотрясалась нервно и причитала-пришептывала при этом что-то жалостливо-невразумительное. И непонятно было, то ли Таню ей так жалко, то ли свое нервное потрясение она так тяжело переживает... А потом, отодвинув женщину с ватным тампоном в сторонку, подсел к ней мужик в черном бушлате с нашивками, улыбнулся ободряюще, доверчиво глянул прямо в глаза.

– Гражданочка, это ваша сумочка, я правильно определил? – протянул он ей грязную, затоптанную чужими ботинками сумку. – Простите, но у вас там раздавилось все...

– Пирожные... – тихо объяснила ему Таня, с удивлением

прислушиваясь к своему хриплому голосу. – Там пирожные были для бабушки...

– Ну да, ну да... – покивал мужик в бушлате. – Да, конечно... Зато паспорт ваш, гражданочка Селиверстова, совершенно не пострадал. И слава богу. Да вы не волнуйтесь так, все уже позади... Вы скажите: чей это у вас ребеночек на руках? По паспорту никакого у вас ребеночка пока не числится...

– Его... Его из машины выкинули... Прямо мне под ноги... Я домой шла, и вдруг машина на меня едет... А потом... Потом...

– Машина незнакомая?

– Что?

– Ну вы раньше эту машину видели где-нибудь? Чья она?

– Нет, не видела... Не знаю... Говорю же – иду, а она на меня едет... А потом дверь быстро открылась, и ребенок выпал... Не сам, а будто его вытолкнули...

– Господи, час от часу не легче... – тяжело вздохнул мужик. Оглянулся, крикнул кому-то: – Иваненко! Займись давай ребенком, его надо в детскую больницу перевезти... И где эта долбаная «Скорая»? Почему до сих пор не едет?

– Так пробка на проспекте, Михал Иванович... Сами ж процепление команду дали... – возник перед Таниным лицом еще один мужик, совершенно такой же, как и первый. С таким же ободряющим взглядом, с такими же нашивками на бушлате.

– Да без тебя знаю, что пробка! – огрызнулся сердито тот, который был Михал Ивановичем. – Пусть как-то по дворам тогда пробираются! Или пешком бегут! Тут дети в пострадавших, понимаешь ли, а они сидят, задницу от машины оторвать не могут!

– А ребенок что, ранен? – испуганно спросил Иваненко у Тани.

– Нет, он не ранен, напуган просто... – затрясла она головой. И совершенно зря затрясла, потому что сдвинулись вмиг с места перед ней оба мужских лица, Михал Ивановича и Иваненко, и закружились в хороводе по кругу, догоняя одно другое, временно совмещаясь, а потом снова распадаясь и дробясь на четыре лица, на шесть, на восемь...

– Э, девушка... Чего это с вами? Вы не заваливайтесь, подождите, сейчас врачи приедут... – вовремя подхватил ее под локти Иваненко. – Давайте-ка я ребенка подержу. У вас сотрясение, наверное, сильное. Голова кружится, да?

– Нет-нет, все в порядке. Не надо. Я сама... – тихо проговорила Таня, ощутив под рукой, как вздрогнула спинка прижавшегося к ней ребенка. – Нет у меня никакого сотрясения. Испугалась просто. Мне бы лучше домой...

– А вообще, вы и правда легко отделались, – доверчиво улыбнулся ей Иваненко, – повезло вам, если можно так сказать. Могло осколками сильно шарахнуть, живой бы не остались. А до вас так, ерунда какая-то долетела. Остальное все мимо. В рубашке вы родились. Счастливая...

– А... те, кто в машине был... они... что?

– Понятно что. Кстати, сколько их там было?

– Да не знаю я! Там стекла такие были... Ну, черные такие...

– Ладно, выясним. Вы только не волнуйтесь больше. Потом с вами поговорим, когда в себя придете. Сейчас врачи за вами подъедут... А ребеночка давайте я все-таки на руки возьму, он же тяжелый. Его в детскую больницу надо отвезти...

Таня вдруг почувствовала, как еще теснее сошлись на ее шее дрожащие ручки-клещики, как икнуло и всхлипнуло ей в шею сине-красное ее спасенное сокровище и забилося тут же в тихом отчаянном плаче, слышимом только ей одной, наверное.

– Ой, нет, не надо в больницу, прошу вас... Видите, он боится, не надо! Не будете же вы его силой от меня отрывать...

– Почему – он? А может, это девочка? – неуверенно поднял на нее глаза Иваненко.

– Ой, да какая разница! – осмелела вдруг Таня, вмиг почувствовав эту его неуверенность и сердито взглянув на подошедшего к ним еще одного мужчину в таком же бушлате с нашивками. – Мальчик, девочка, все равно не отдам! У ребенка стресс, понимаете? Нельзя его сейчас силой отрывать... Я сама медик, знаю! Сейчас момент такой, что просто нельзя, и все! Потом последствия всякие нежелательные могут быть...

– Хм... – озадаченно уставился на нее вновь подошедший и, судя по тому, как на него испуганно оглянулся Иваненко, начальник. – А что нам тогда делать прикажете? Около вас так его и караулить до выяснения всех обстоятельств?

– Нет, не надо караулить... Я здесь живу недалеко, вы просто проводите нас до дома, и все. И «Скорую» ждать не надо, у него никаких повреждений нет. Я знаю, он подо мной был...

– Стресс, говорите? – с сомнением протянул начальник над Иваненко, разглядывая страничку Таниного паспорта с отштампованной пропиской. – Что ж, и правда рядом живете... Ну, раз так... Иваненко, проводи! Возьми машину мою.

– Ой, да не надо машину! Тут два шага, мы и сами дойдем, – с трудом поднялась со своего стульчика Таня и тут же была подхвачена под локоток заботливым Иваненко, – там только под арку пройти осталось, а дальше уже наш двор...

– Нельзя сейчас под арку. Там оцепление, эксперты работают. Другой дорогой в ваш двор заедем. Пойдемте, девушка...

– ...Татьяна Федоровна! – быстро заглянув в паспорт, подсказал Иваненко начальник. И, обращаясь к Тане, проговорил решительно: – А паспорт ваш, Татьяна Федоровна, я пока у себя оставлю. До выяснения всех обстоятельств. Да вы не бойтесь, пусть ребенка Иваненко понесет...

– Нет, я сама, – осторожно мотнула головой Таня. – Куда идти, где ваша машина? Поехали уже...

– Вы не волнуйтесь, мы постараемся побыстрее родственников ребенка разыскать, – открывая перед ней дверцу, душевно проговорил начальник. – И спасибо вам за проявленную сознательность, гражданочка Татьяна Федоровна. Я думаю, родственники спасенного ребенка ваш поступок высоко оценят...

Глава 3

– ...Танька, да что же это? Ой, матушки, милиционер...
Что случилось-то, Таньк? Я уж потеряла тебя...

Бабка Пелагея застыла в открытых дверях маленьким сухоньким изваянием, переводя взгляд с Таниного лица на лицо Иваненко, потом подхватила быстро, затопталась бестолково по маленькой прихожей, мешая Тане пройти в комнату.

– Тань, а ребеночек-то откуда? Чего за ребеночек-то, Тань?

– Да, бабуля, такая вот героическая у вас внучка оказалась, – торжественно произнес Иваненко, проходя следом за Таней в комнату. – Взяла и чужого ребеночка спасла. Закрыла его своим телом. Жизнь свою молодой, можно сказать, рисковала. Слышали небось, как в соседнем дворе рвануло?

– Ой, слышала...

– Ну вот. Это машина там взорвалась, а внучка ваша как раз по тому двору домой шла, пирожки вам в сумке несла.

– Нет, не пирожки. Это пирожные были. Эклеры... – тихо поправила его Таня.

– Ну да. Пирожные, – так же тихо подтвердил Иваненко, виновато улыбнувшись.

– Ой, батюшки... – только и всплеснула руками бабка Пелагея. – Да как же это, Таньк?

– А вот так, бабуля... – ответил за Таню Иваненко и стал пристально оглядывать пространство вокруг себя, задерживая любопытный взгляд на всем по чуть-чуть – и на бабкиной никелированной кровати, аккуратно заправленной домашнего производства вязаным ажурным покрывалом, и на красиво торчащей острыми углами горке подушек, и на крахмальных снежно-белых занавесках на окошке, и на пышно разросшейся на подоконнике и цветущей алым цветом герани – признаке домашнего благополучия, как искренне полагала бабка Пелагея. Герань эту да покрывало она привезла с собой в приданое и очень этим обстоятельством гордилась. А еще в том приданом числились белые мережковые, повсюду разложенные салфеточки – и под хрустальной вазой на трельяже, и под прозрачной статуэткой балерины за стеклом серванта, и с книжной полки свисающие нежными белыми уголками. Через такие же дырки-мережки, будто извиняясь перед гостем за бабки-Пелагеино стремление к уюту, стыдливо проглядывал и экран телевизора. Откуда ему было знать, корейской сборки чуду технического прогресса, про моду из бабкиной юности – все вокруг салфеточками в доме украшать? Вот и стыдился от души...

Иваненко огляделся и, словно в чем-то для себя удостоверившись, повернулся к усевшейся без сил на диван Тане, спросил заботливо:

– Еще помощь моя нужна, Татьяна Федоровна? Или сами управитесь?

– Сама. Спасибо вам, – из последних сил улыбнулась ему бледно-синюшными губами Таня. – Вы идите, вас же там потеряют...

– Ладно. Пошел. А у ребенка, я думаю, очень скоро родственники отыщутся. Судя по всему, богатого наследника вы на руках держите... Родителей, значит, того, на тот свет какой-то камикадзе отправил, а насчет ребеночка грех на душу не взял...

– Да будет вам! – сердито посмотрела на него Таня, сделав большие глаза. – Зачем вы?! Может, и не родители его там были... Еще не выяснили ничего, а выводы делаете!

– Тань, чегой-то не поняла я, зачем ты на парня ругаешься? – неожиданно заступилась за Иваненко бабка. – Чего он тебе выяснить должен?

– Да ничего. Потом поговорим, бабуль. Не при ребенке же...

– Ладно, разберемся, Татьяна Федоровна. Не сердитесь, – улыбнулся ей покладисто Иваненко. – Работа у нас такая – всех тонкостей обращения и не учтешь... Ну, пошел я. Бывайте здоровы, бабуля! Хорошо тут у вас. И у моей бабки в деревне так же все было когда-то... Беленько да чистенько...

– И тебе не хворать, мил-человек, – чуть склонилась в пояс бабка Пелагея. – Спасибо тебе на добром слове...

Закрыв за гостем дверь, она шустро подсемила к дивану, на котором так и сидела ее героическая внучка, не сняв шубы и ботинок. Снять их все равно у нее и не получилось

бы. Для этого надо было каким-то образом расцепить на шее маленькие ручки-клешдики и оторвать от себя мелко дрожащее тельце ребенка, а это оказалось задачей нелегкой. Не отрывались от шеи ручки, и все тут. Будто заклинило их неведомой силой. Хотя почему неведомой? У нее имя есть, у силы этой, – перенесенным недетским ужасом она называется...

– Ну, маленький, ну отпусти ручки... – тихо увещевала она ребенка, ласково поглаживая по спине. – Я же никуда от тебя не денусь, я здесь, с тобой буду. Мы сейчас искупаемся, потом горячего молочка выпьем... Хочешь молочка, маленький? Как тебя зовут? Ты молочка, а я чаю горячего хочу...

– ...Ага, и чаю, и молочка... – тут же на лету подхватила ласковые нотки из внучкиного голоса бабка. – А еще и с булочкой... У бабушки Пелагеи знаешь какие вкусные булочки? Слышь, как из кухни пахнет...

Так, припевая вдвоем и приговаривая, они потихоньку разжали на Таниной шее цепкий обруч, стянули с головы ребенка теплую шапку, повозившись немного с мудреными застежками под его подбородком. Слипшиися и мокрые нежно-пшеничного цвета кудряшки тут же упали на бледный лобик, голубые глаза в светлых ресничках взглянули на бабку Пелагею настороженно.

– Не бойся, маленький... Это бабушка, она хорошая... – продолжала монотонно-ласково приговаривать Таня, осто-

рожно расстегивая «молнию» на сине-красном пухлом комбинезоне. – Вот так, сейчас одежду снимем... Пить хочешь? Ты мокрый весь...

– Я сейчас водички тепленькой принесу, Тань... – метнулась на кухню бабка Пелагея. – И молочко кипятить на плиту приставлю. А может, ему кашу сварить?

Ни молока, ни каши спасенное Таней дитище не дождалось. Напившись жадно воды из большой кружки, тут же заклевало носом, растеклось горячим влажным пластилином в Таниных руках. И заснуло, свесив с ее плеча пшеничную кудрявую голову.

– Бабушка, возьми его тихонько, уложи на мой диван... – прошептала она устало. – У меня уже сил неостанет...

– Тань, а чей он, интересно, парнишонка-то этот? – любопытничала бабка Пелагея, стягивая осторожно с ребенка влажную одежду и укутывая его поплотнее в мягкое одеяло. – Рубашечка-то на ём шибко уж хороша. И ботиночки справные, и крестик на цепочке золотой с белым камушком...

– Мальчик все-таки... Я почему-то так и подумала сразу, что это мальчик... – улыбнулась сама себе Таня, тяжело поднимаясь с дивана.

Голову опять сильно закружило, вдобавок отчего-то было больно ступить на правую ногу. И спина с трудом распрямилась, будто камушками острыми промолотил кто-то торопливо, пройдясь по каждому позвонку сверху вниз. Скинув

на диван шубу, она медленно похромала в ванную, приволакивая за собой прямо на глазах разбухающую в голени ногу. Однако боль была не такой уж и нестерпимой, так, неудобство некоторое доставляла. Перелома, по крайней мере, точно нет. Надо перевязать покрепче, к утру пройдет...

А вот с лицом дело обстояло гораздо, гораздо хуже. Запекшаяся ссадина на виске и на лбу подсохла безобразной и безнадёжной коркой, замешанной неумелыми стараниями сердобольной женщины на крови с йодом, к тому же в область этой ссадины попала и бровь, и ее потянуло слегка вправо и вверх вместе с веком, отчего лицо приняло совсем уж какое-то придурковатое выражение. Таня и так в красотках писанных никогда не числилась, как она сама о себе совершенно искренне полагала, а тут и вовсе ссадина эта окончательно испортила круглое и простое, как сытый румяный блин, деревенское ее лицо. Хотя если вот бабку Пелагею послушать, так красивше Таньки других девок на всем белом свете во век не сыскать. И кожа у нее будто бы белая да вкусно-сливочная, и румянец свекольный во все щеку, и коса крепкая, и нога твердая и справная под ней выросла, и все остальные части тела тоже будто ничего... Ну так на то она и бабка, чтоб внучку свою хвалить. Может, в деревне Селиверстово Таня и числилась бы со всеми этими прелестями в каких-нибудь мало-мальских красавицах, а в городе с этим добром номер не пройдет. В городе другая красота в цене, прямо красоте деревенской противоположная. Да и отстала бабка от време-

ни со своими понятиями. Нынче и деревенскую девчонку, бывает, от городской не отличишь. И костями так же греметь старается, и майки те же до пупа носит, и штаны, до неприличия опавшие с худосочной задницы... Вообще, мода эта молодежная как-то мимо Тани прошла. Тетя Клава так ее с шестнадцати лет загоняла, что не до моды ей было – живой бы остаться. А теперь уж и вообще ни к чему ей худеть да модничать. Какие такие моды в двадцать семь лет? Ладно уж, и так хорошо. Какая есть, такая есть...

Вытащив шпильки из плотно заколотого клубка волос, Таня повела головой, давая им упасть на спину всей своей русской тяжестью, запустила под них руку и осторожно повела ладонью от шеи к макушке. И сморщилась тут же от боли. Ничего себе шишка, порядочная. Вон и пальцы в крови, обработать надо. Это хорошо еще, что железка та угодила прямо в тяжелую волосяную фигу, которую она старательно изо дня в день накручивала на затылке. Спасла ее, наверное, фигу-то эта. А она еще волосы обрезать хотела, вот дура была... Слава богу, бабка Пелагея этому всем своим существом воспротивилась. А то б, может, и в живых бы ее сейчас не было...

– Танюх, а шуба-то твоя того... Подпортилась маненько... – услышала она за спиной виноватый бабкин голос. – Иди сама посмотри, на спине вся красота скукожилась...

Распластанная по белому покрывалу бабкиной кровати шуба на миг показалась ей живой и от боли плачущей. Боль-

шие подпалины, словно кровоточащие раны, выпучивались из общего мехового организма, бросались в глаза и требовали Таниного к ним хотя бы сострадания. Она ласково провела по ним ладонями, пытаясь расправить скукоженные норковые то ли лобики, то ли брюшки, потом помяла слегка и снова расправила. Стянув шубу с дивана, накинула ее на скорбно примолкшую бабуку Пелагею, отошла чуть подальше...

– Ой, да ничего, бабушка! Если сильно не приглядываться, так и не видно!

– Ну и ладно, ну и слава богу... – крутилась моделью перед Таней бабука. – Подумаешь, подпалины. Может, оно и задумано так? Для моды? Ничего, переживешь. И так походишь. Главное, что жива осталась.

– И не говори... – устало опускаясь на кровать, улыбнулась ей Таня. – Мне когда на спину эта горячая штуковина шлепнулась, я так перепугалась! Думала, все, сгорю теперь. От страха дернулась было, но поняла: сильно-то нельзя, подо мной ребенок лежал...

– Танюх, а откудава там парнишонка-то взялся, никак в толк не возьму? Гулял, что ли?

– Нет, бабушка. Он из машины этой выпал. Прямо мне под ноги и выпал. Представляешь?

– Что ж, значит, Господь тебе под ноги его кинул, чтоб спасла... – подумав, тихо вынесла свой вердикт бабука. – Неспроста это все для тебя случилось, Танька, ой, неспро-

ста... А в машине-то родители его взорвались, значит?

– Не знаю, бабушка. Милиционеры все выяснят. Может, и родители его там были.

– Ишь ты... Сирота теперь, выходит, парнишонка-то...

Она склонилась над ребенком, и впрямь сиротливо свернувшимся под одеялом в маленький комочек, убрала рассыпанные по лбу светлые кудряшки. Он вздрогнул бледным личиком, будто собрался вот-вот заплакать, засопел часто.

– Ой, не трогай его, баб... – испуганно встрепенулась Таня. – Пусть спит. Постели мне лучше на полу, сил нету даже чаю напиться...

– Ложись-ка ты на мою кровать, девка. Давай раздевайся и ложись. А чаю утром напьешься. Я на полу лягу.

– Да как же ты на полу... – слабо засопротивлялась Таня.

– Ложись, говорю! – шикнула на нее сердито бабка Пелагея. – Еще спорит сидит...

Таня больше спорить не стала. Кое-как справившись с бабкиным покрывалом и горой подушек, провалилась, как в легкое облако, в мягкую перину – ее бабка тоже привезла с собой в приданое, и на миг показалось Тане, что провалилась она в свое деревенское детство. И пахло от перины тем особенным, настоящим деревенским духом – домашней чистотой, постиранной и отполосканной в быстрой речке простыней, просушенным на июльском палящем солнышке куриным пухом. И заснула она так же – будто в черноту провалилась. Не снилось ей в эту ночь ничего: ни плохого, ни

хорошего...

Проснулась она на рассвете, в комнате темно еще было. Где-то в углу посапывала бабка, из кухни слышалась слабая мелодия утреннего российского гимна – шесть часов, стало быть. Приподняв с подушки голову, она глянула на свой диван и даже удивиться не успела, когда взвилась с него маленькая быстрая тень, тут же юркнула к ней под одеяло, и маленькие ручки-клещики тут же вцепились ей в шею. Она торопливо прижала к себе влажное тельце ребенка, погладила по спине, по головке, пошущукала что-то невразумительно-сонное в маленькое ушко. Тут же под бок ей полилось что-то горячее, растеклось быстро по простыне и рубашке. «Описался, – с опозданием догадалась Таня. – Вот же не сообразила я, надо ж было сразу его на горшок унести...»

Передвинувшись вместе с прилепившимся к ней тельцем на сухое местечко, она снова заснула, на сей раз некрепко и летуче. Вроде как задремала чуть. Вставать и менять простыню не то чтобы не хотелось, а просто бабку стало жалко. У нее на рассвете всегда сон чуток. Если проснется, не уснет уж больше. Пусть доспит...

Бабка Пелагея, кряхтя и постанывая, поднялась со своего неудобного ложа, когда в комнату заглянуло зимней серостью февральское утро. Держась за поясницу, пошла по своим делам, стараясь не стучать пятками, смешно перебирая жилистыми ногами. На ходу все же умудрилась шумнуть громко, опрокинув попавшийся на пути стул. Присела, огля-

нулась испуганно...

– Баб, да я не сплю... – тихо успокоила ее Таня.

– А парнишонка? Таньк, парнишонка-то где? – повернув выключатель и щурясь от света, испуганно пролепетала бабка, уставившись на пустой Танин диван.

– Здесь, со мной. Баб, мы тут тебе еще и набедокурили... Перину-то сушить придется...

– Фу, напугалась... – присела на стул бабка, махнув в Танину сторону рукой: ничего, мол. – Гляжу, а парнишонки-то нету...

Парнишонка, выпростав осторожно из-под Таниной шеи голову, взглянул испуганным зверьком снизу вверх в ее лицо и снова спрятался, еще крепче сдвинув в обруч ручки.

– Ты не спишь, маленький? Проснулся уже? – ласково пропела Таня, проведя кончиками пальцев по его тонким ребрышкам. – Что, вставать будем? Умоемся сейчас, причешемся, кашу сварим... Торопиться нам некуда, у меня выходной сегодня...

Кое-как выбравшись из мягкой бабкиной перины, она прошлепала босыми ногами в ванную, держа бережно в руках худое голое тельце малыша и, не переставая бормотать что-то ласковое и успокивающе-монотонное, старательно умыла его бледную мордашку. Хотела искупать сразу, но решила – потом. Пусть попривыкнет. Стянула с веревки выстиранную бабкой еще с вечера и подсохшую за ночь одежку, вернулась в комнату.

– Ну, давай одеваться, малыш... Тебя как зовут?

Мальчишка послушно разрешил ей натянуть на себя одежду, молча вытерпел и процедуру расчесывания спутанных мягких кудельков. Головка его безвольно тянулась вслед за расческой, бледное личико тоже не выражало никаких эмоций. И сам он будто обмяк в Таниных руках, глядел безучастно куда-то в пространство, потом зевнул, словно котенком мяукнул.

– Танюха! Завтракать иди, я каши манной наварила! – громко крикнула из кухни бабка Пелагея.

От звука ее голоса мальчишка вздрогнул сильно, вжался затылком в Танину грудь. Детское сердечко застучало под ее рукой по-воробыиному, посылая маленькому телу импульс короткого испуга.

– Тихо, тихо, маленький... – прижала к себе его головку Таня. – Ты чего испугался так? Это же бабушка Пелагея, ее бояться не надо. Она хорошая, добрая, она тебе кашу сварила... Пойдем есть кашу?

По короткому и резкому движению кудрявой головки под рукой она поняла, что ее маленький гость от угощения категорически отказался. Так же категорически отказался он пойти на ручки к бабке Пелагее, сколько она около него ни вытанцовывала. Сидел на диване, поджав под себя ноги, и лишь коротко взглядывал на свою спасительницу, пока она переоблачалась из ночной рубашки в ситцевый халатик да торопливо скручивала на затылке фигу из волос, мор-

щась от боли. Болело у нее и правда все, будто целого и здорового места на теле больше не осталось. Все тянуло, щемило, ломало, бежало мурашками, отдавало глубинной болью то под ребрами, то в копчик, и в глазах стояла противная жгучая морось, отчего привычные домашние предметы приобретали расплывчатое, незнакомое ранее содержание. И очень почему-то хотелось напиться воды колодезной деревенской, чтоб ледяной была, чтобы прозрачной и колыхающейся, чтоб чуть-чуть травой да холодной землей пахла... А еще бы лучше – чаю напиться из такой воды. Только где ж она ее возьмет в городе, воду эту? Нигде и не возьмет...

Потом они с бабкой Пелагеей устроились на полу перед диваном и, поставив перед собой тарелку с кашей, долго изощрались в ласковом и совершенно искреннем словоблудии, пытаясь правдами и неправдами впихнуть ее в мальчишку. И победили наконец. Осторожно проглотив первую ложку, он вздрогнул, и будто живая тень промелькнула в голубых безучастных глазах, и стал тут же широко и охотно раскрывать рот, приводя в неопишуемый восторг своих новоявленных кормилиц.

– Вот умница... Вот молодец... – удовлетворенно кивала бабка Пелагея, умильно провожая глазами каждую отправленную Таней в рот малышу ложку с кашей. – А то что ж, эко место, такое пережить дитю, да чтоб не емши...

Мальчишка вдруг поднял на нее внимательные глазки, нахмурил смешным домиком брови и – о, чудо! – улыбнулся

слегка. Так, и не улыбнулся даже, а лишь дрогнули уголками вверх вмиг порозовевшие губы.

– Отя... – едва слышно пролепетал он и снова опустил глаза, дрогнув белесыми длинными ресницами.

– Чего это – отя? А, Тань? – шустро повернулась к Тане бабушка Пелагея. – Чего это он говорит?

– Не знаю, бабушка... – растерянно пожала плечами Таня. И, обращаясь к мальчишке, в который уже раз за это утро повторила настойчиво и ласково: – Как тебя зовут, маленький? Меня вот Таней зовут, а тебя как?

– Отя! – вскинул малыш на нее удивленные глаза.

– Чего, отя? Это тебя зовут так, да?

Мальчишка радостно закивал и снова одарил их короткой и робкой улыбкой. И снова – глазки вниз, и белые реснички опустил защитной занавескою, и даже плечики приподнял – отстаньте, мол, хватит с вас на сегодня.

– Это что ж за имечко такое – Отя? – повернулась к Тане бабушка Пелагея. – Может, он выговаривает плохо, а, Тань? Маленький еще совсем. На вид годика два, не боле...

– Может быть, это Котя, уменьшительное от Костика? – предположила Таня задумчиво.

– Ну да... А может, это вовсе и не Котя, а Фотя...

– Да ну, бабушка! Нету такого имени – Фотя!

– Да как это, как это нету? Помнишь, у нас на дальней заимке хромой лесник Фотий жил? Его в детстве так и звали – Фотя...

Мальчишка по имени Отя вдруг поднял на них глаза, моргнул растерянно, скривил губки и повторил тихо-обиженно, но довольно четко:

– О-тя!

Чего вам тут вроде непонятного-то, бабки-тетки?

– Ой, да и хорошо, что ты Отя! Да это и слава богу! – заторопилась оправдать свою непонятливость бабка Пелагея. – И очень даже хорошее у тебя имечко – Отя! Мы с Танюхой согласные! Чего ты? Кругленькое такое имечко, ласковое...

В момент благого этого консенсуса и застал их коварно громко прозвеневший дверной звонок. Бабка с Таней вздрогнули тревожно и одновременно переглянулись – кто это? Отя же прореагировал на незнакомые и пугающие звуки уже привычным способом, то есть скользнул маленькой ящеркой Тане в руки, оплел колечком рук ее шею. Она с трудом поднялась с колен, опираясь одной рукой о край дивана, другой же придерживая за попку свое пугливое сокровище.

– Ну, ну... Чего ты испугался так? Не бойся, маленький, я с тобой... Не бойся, Отя...

Присев на диван, она старательно прислушалась к звукам в прихожей, откуда уже доносился приветливый говорок бабки Пелагеи:

– ...И тебе тоже здравствуй, мил человек, и тебе доброго утречка... Прошу покорно чайку с нами испить...

По знакомым уже неторопливо бубнящим интонациям Таня узнала голос вчерашнего милиционера Иваненко,

вздыхнула облегченно и заторопилась к бабке на помощь.

— И в самом деле, попейте-ка с нами чаю! — выглянула она в прихожую. — Чего вы? Мы ж не водку вам предлагаем, не бойтесь...

— Ну что ж, чай так чай, — покладисто согласился Иваненко, снимая бушлат. — А вообще, я бы кофе лучше крепкого дернул. Ночь не спал...

— Так и кофею сейчас сварим! Намелем зерен и сварим! — шустро метнулась на кухню бабка Пелагея. — Подумаешь, делов-то...

— Ну, как вы тут ночевали с вашим гостем, Татьяна Федоровна? — потирая замерзшие руки, вошел он следом за Таней в комнату. — Я смотрю, он так от вас и не отцепляется...

— Так он еще долго всех бояться будет, что вы! Такое и взрослому тяжело пережить, а уж ребенку...

— Ну да, ну да... — согласно закивал Иваненко. — Это я понимаю, конечно. Ну ничего, скоро родственники его приедут, сами решат, как мальчишку пристроить... Нашли ведь мы его родственников, быстро нашли...

— А там, в машине... Там... родители его были? — произнесла она последние слова совсем беззвучно, одними лишь губами.

— Ну да... — тихо подтвердил Иваненко, опасливо стрельнув глазом в светлый Отин затылок. — Так оно и оказалось.

— А откуда они приедут... родственники эти? — настороженно и ревниво спросила Таня, поглаживая Отю по худым

ребрам и тихо покачивая из стороны в сторону. – И кто они? Кем ему приходится?

– Откуда, откуда... Из Парижа, вот откуда! – почему-то очень сердито произнес Иваненко.

– А где это, Тань? – выглянула из кухни с ручной кофейной мельницей в руках бабка Пелагея. – Я знаю, если в сторону Копейска ехать, там село такое есть, Париш называется... Оттуда, что ль?

– Бабушка, да это не то село, это город такой во Франции... Париж...

– И что, и прямо из этой самой Франции за парнишонкой и примчатся? – подозрительно сузила глазки бабка. – Чегой-то сомневаюсь я, однако...

– А вы не сомневайтесь, бабуля, – грустно проговорил Иваненко. – Оттуда как раз и примчатся. Бабка у него там живет и тетка родная. Так что, сами понимаете, мы им мальчика предъявить должны. Мне начальством приказано забрать его у вас, конечно... Только как я его забирать должен? Силой отдирать, что ли? Вон он как вцепился...

Осторожно, как к дикому зверьку, он протянул руку, решив, видимо, погладить Отю по голове, но тот взбрыкнул от одного лишь легкого прикосновения и забился в Таниных руках так нервно-лихорадочно, что бедному Иваненко ничего и не оставалось, как руку побыстрее отдернуть да поспешно отскочить в сторонку. Лицо его приняло совсем уж уныло-потерянное выражение, длинные руки безвольно и вино-

вато обвисли вдоль тела, вроде как ни к чему больше и не пригодные.

— А вы так и объясните вашему начальству, что мальчик с вами не пошел, — торопливо заговорила Таня, на всякий случай отойдя вместе с Отей от Иваненко подальше. — И вообще, не сегодня же они, эти родственники, приезжают? Не сейчас же?

— Нет, не сегодня. И не сейчас, а завтра к вечеру. На сегодняшней рейс они уже не успели.

— Ну вот, видите... А до завтра еще дожить надо...

— Ладно, что ж... — с некоторым даже облегчением вздохнул Иваненко. — Если вы не возражаете, пусть у вас до завтра и остается. А я тогда их, родственников, сюда к вам и подвезу. Как говорится, с рук на руки...

В комнату вошла бабка Пелагея с подносом, на котором рядом с кофейником аппетитной горкой высились вчерашние сдобные булочки, ничуть за ночь не зачерствевшие. Умела, умела-таки бабка Пелагея пироги печь по-особому, и время их не брало. Сутки проходят, а они все свежие да мягкие, как час назад из печки вынуты. Видно, и в самом деле наговор какой деревенский знала. Сама она, однако, своих булок и не ела никогда, а предпочитала им магазинные серийные пирожные со сладким жирным кремом. Вот уж воистину — не ценит по достоинству человек свои таланты, как и отечество, бывает, не ценит и очень любит отрицать наличие у себя пророков своих доморощенных...

Иваненко, выпив две большие кружки кофе и умяв с подноса порядочную часть булочек, совсем разомлел, сидел, подперев щеку кулаком, наблюдая осоловевшим взором за Таней, которая за стол так и не присела, а все ходила с Отей на руках от окна к двери, покачивая плавно станом. Если вообще про ее фигуру можно так сказать – стан. Полновата немного была фигура для такого романтического названия. Хотя бабка без устали повторяла, что Таня и не полная вовсе, а справная. Кость у нее широкая, крепкая, в крестьянскую селиверстовскую породу. У них полдеревни такой породы было – все Селиверстовы. Многим девушкам, замуж пошедшим, даже и фамилии менять не приходилось. И мама у Тани была Селиверстова, и папа Селиверстов...

– Ладно, хозяйюшки, спасибо за хлеб за соль. Паспорт ваш, Татьяна Федоровна, я вам возвращаю в целости и сохранности. Вот... – выложил он из кармана Танин паспорт в клеенчатом синем футлярчике. – Ну, пойду я, – наконец поднялся он из-за стола. – Хорошо у вас. Как в деревне у бабки побывал. Сейчас бы еще на сеновале спать завалиться...

– А сеновала у нас, мил человек, нету. Уж извини, – развела руками бабка Пелагея. Проводив гостя, вошла обратно в комнату, ворча на ходу сердито: – Пришел зазря, напугал только парнишонку...

– Баб, он опять описался. Надо штанишки с него снять... – тихо проговорила Таня, пытаясь ласково оторвать детские ручки от своей шеи. – И голова у него вся влажная...

– Так это испуг у него, Танюха. Оттого и трясется весь. Его бы к Макарихе нашей сводить, которая испуг да порчу снимает... Помнишь Макариху-то? Ты маленькая еще была, а тебя бык напугал...

– Нет, не помню...

– Так оттого и не помнишь, что Макариха тебя от испуга вылечила. Тебе еще и трех годочков не было, когда он к нам во двор забрел, бык-то. Наставил на тебя рога и пошел, и пошел... А ты стоишь соляным столбиком, рот открыла и кричишь будто. А на самом деле и не кричала вовсе. Мать из дому выскочила, схватила тебя, а ты как полено ровно у ей в руках – ни ручкой, ни ножкой двинуть не можешь. И молчала потом месяц целый, все сидела в уголку, пока я тебя к Макарихе не свела. А потом ничего, отошла. Вот и не помнишь даже...

Так, рассказывая историю Таниного испуга, бабка незаметно переняла из ее рук Отю, ловко стянула с него мокрые штанишки. Малыш попытался было потянуться обратно, да не успел. Ласково шлепнув его по голой попке, она потащила его в ванную, удобно устроив у себя под мышкой, выговаривая чуть сердито, как взрослому:

– Не тянись, не тянись давай... Танюхе завтра в утро на работу идти, больших мужиков да баб всяко-разно лечить да пользоваться, а мы с тобой тут вдвоем домовничать останемся... И никто нас с тобой не съест, не бойся. Хватит бояться-то, большой уже мужичище, а боишься...

— Баб, а ты и в самом деле без меня завтра справишься? — неуверенно двинулась вслед за ней в ванную Таня. — Я бы отпросилась на завтра, да мне замены нет. Плановые операции назначены, и ассистировать некому...

— Да не бойсь, Танюха. Справлюсь. То ли я с малыми ребятами не важивалась! Вы все, считай, через мои руки прошли. Матери-то вашей некогда было в декретах прохлаждаться, всех мне на руки сдавала, с пеленок еще. Мы вот сейчас водички в ванную наберем тепленькой, Отя у нас искупается, а потом пообедаем чем бог послал да спать с ним завалимся... А ты иди давай отсюда, не мешай нам. Иди на кухню, съешь чего-нибудь, вон глазищи как провалились, смотреть на тебя тошнехонько!

Глядя, как ловко она управляетсся с мальчишкой, Таня улыбнулась легко, подумав про себя, что бабка ее впрямь нянька замечательная. И сердце у нее золотое. И жалостливое. Вот недавно, к примеру, такой номер выдала, какого Таня от нее и не ожидала, — взяла и снесла всю свою пенсию в сберкассy, гонимая жалостными призывами телевизионной рекламы помочь заболевшему лейкемией ребенку. И главное, успела так лихо номер счета на бумажку переписать и не ошиблась ни в одной цифре... Тане в тот месяц как раз зарплату сильно задержали, так они все в доме, она помнит, подъели-подгрызли, до самого последнего сухарика, как две церковные мыши в Великий пост.

Подхватив себя за поясницу, она ойкнула, двинулась по-

тихоньку на кухню. И правда хотелось есть. И спина болела невыносимо – надо бы завтра к девчонкам на рентген сбежать...

Глава 4

День тянулся с утра нервно и очень тревожно, не располагая к прежнему и ставшему уже привычным состоянию радостной сосредоточенности, когда полезное время распределено и по часам, и по минутам, и укладываешься ловко в эти часы и минуты, и все у тебя получается так хорошо, так проворно, так, как и надо получаться, когда ты работаешь здесь, рядом с болью и жизнью человеческой. Выбился сегодня из твердой накатанной колеи Танин день. К телефону только раз двадцать сбегала, побросав все дела, и двадцать раз сама себя ругнула за глупую осторожность. Вот зачем, зачем она утром, уходя из дома, телефон отключила? Обрадовалась, что удалось уйти и не разбудить спящих на одной кровати бабу с Отей, вот и решила – пусть еще подольше поспят, чтоб никто их утренними звонками не беспокоил. Теперь пожалуйста – сама дозвониться не может. А вдруг там случилось что? Вдруг мальчишка проснулся и плачет, и бабу Пелагея с ним совладать не может? А вдруг и того хуже – родственники эти из Парижа билеты свои поменяли и прикатали уже с утра? И съездить домой нельзя, пора к операции готовиться...

– Танюш, что это с тобой? – вздрогнула она от голоса выросшего за ее спиной хирурга Петрова. – Ты сама на себя сегодня не похожа. А на лбу у тебя чего? Подралась с кем,

что ли?

– Ой, да ни с кем я не подралась, Дмитрий Алексеевич, чего вы... – торопливо натягивая до самых бровей кокетливую шапочку приятного сине-бирюзового цвета, отвернулась от него Таня.

– А звонишь кому все время? Что, влюбилась наконец, да? Хахаля нашла? Так и давно уж пора. Такая дивчина, и все в бобылках...

– Ой, да ну вас... – рассмеялась она грустно. – Уж какая такая дивчина...

– Хорошая, вот какая. Такие девки, как ты, сейчас перевелись. Напрочь выродились, самоуничтожились, исфеминизировались все к чертовой матери...

– А я, значит, того, не иснемини... не исфеними... Тьфу! Словом, не испортилась, значит?

– Ты – нет. Ты у нас знаешь кто? Ты у нас не просто сестра медицинская, ты у нас – сестра милосердия. Раньше-то это вроде одним понятием числилось, а сейчас нет... Сейчас милосердие, Танюха, у людей не в чести. И мы у него тоже не в чести, стало быть. Отвернулось оно от нас. А вот тебя выбрало, не обиделось. Не каждую первую бабу оно к себе в сестры выбирает, уж поверь мне. И даже не каждую вторую...

– Ой, да ну вас, Дмитрий Алексеевич! Как скажете, не подумавши...

Еще раз махнув в его сторону рукой, она быстро пошла

прочь — некогда ей было комплименты слушать. Да и не любила она, когда ее хвалили. Тут же заливалась пунцовой краской. И ладно бы красиво как-нибудь заливалась, румянцем алым да нежным, все бы еще ничего. Пунцоветь в этот момент у Тани начинало все без разбору — и лицо, и уши, и шея... Такая вот деревенская привычка, гены селиверстовские, городскому цинизму никак не поддавшиеся...

С дежурства она бежала — в зубах крови нет, как говорила бабка Пелагея. Это значит, торопливо да испуганно бежала, с трудом вдыхая ядреный, сильно к вечеру подмороженный февральский воздух. А когда увидела около подъезда черную квадратную иномарку, испугалась еще больше. Не останавливаясь, полетела на свой третий этаж да чуть не упала, наступив второпях на полу своей шикарной шубы. Тут же огрызнулось и затрещало по всем швам, возмутилось такому к себе пренебрежительному отношению все шубное нутро — вроде того, не умеешь, деревня, шикарные городские вещи носить, так и не начинай. А то что ж это получается? То под взрыв она в ней лезет, то швы рвет...

Около двери Таня остановилась, чтоб отдышаться немного. Не хотелось как-то влетать в квартиру растрепой с открытым ртом да выпученными от волнения глазами. Заправила под шапочку выбившиеся влажные пряди, положила руку на сердце. Отдышалась. И впрямь, чего это она разволновалась так? Целый день места себе не находила, будто должно произойти с ней сегодня что-то ужасное, жизненно непоправи-

мое... Ну, приехали за спасенным ею ребенком родственники. Так и правильно. Все равно ведь рано или поздно они бы приехали. Почему не сейчас, не сегодня? И какое им должно быть дело до того, что душа у нее изнылась от страха за этого несчастного малыша, как щенка за шкурку брошенного провидением прямо ей под ноги? Изнылась-измаялась за этого Отю с его цепкими ручками-клещиками, с его влажными кудряшками и сердечком, бьющимся под тонкими ребрами так, что кажется, будто оно в ладони у нее лежит, слабенькое и обнаженное, и трепыхается загнанно, и надо обязательно и срочно на него теплом подышать, погладить, побурчать в него ласковыми никчемными словами...

Оправившись и сглотив волнение, она решительно зашуршала ключом в замочной скважине, открыла дверь, скользнула неслышно в прихожую. Так и есть, гости у них в доме. Родственники за Отей приехали. Из Парижа. Надо же – к ней в однокомнатную хрущевку – и прямо из Парижа... Бабушка Отина, наверное. А кто ж еще может говорить таким сердитым, таким низким и незнакомым голосом?

– ...Матвей, будь же мужчиной, наконец! Иди ко мне на руки, внучек! Ну, иди... Я ведь не чужая тебе, я ведь бабка твоя родная...

«Кто это – Матвей? Откуда там Матвей взялся? – испуганно подумала Таня и тут же спохватилась: – Ой, так это же наш Отя... И не Отя, выходит, а Мотя? Матвей, значит?»

– Да какой он тебе ишшо мужчина? Он дите малое, ис-

пуг у него сильный! Описался вон... Не видишь, что ли? Тоже, мужчину нашла! – услышала Таня возмущенный возглас бабки Пелагеи. – И не трожь его! Не видишь, боится тебя дите! Убери руки-то свои, господи! Да таких ногтищ и взрослый напугается, а она к дитю с ими тянется!

Подхватившись, Таня быстро рванула из прихожей в комнату, потому как бабку свою в состоянии праведного гнева хорошо знала. Во гневе бабка была яростна и непредсказуема и могла такого наговорить, что потом вряд ли расхлебашь. И, надо сказать, очень вовремя она в комнате нарисовалась, потому что, судя по увиденной мизансцене, мирные переговоры бабки Пелагеи с Отиной французской бабкой перешли уже в стадию боевых действий. То есть бабка французская, вцепившись в Отину спинку пальцами и впрямь, надо справедливо отметить, с очень уж вызывающим, оранжевым по черному, маникюром, тянула его к себе, а бабка Пелагея пальцы эти с Отиной спины старательно стряхивала, будто пакость какую несусветную от ребенка отгоняла. Таня еще и слова сказать не успела, как мизансцена в мгновение ока поменялась: отпустив из ручек бабкину шею и ловкой ящеркой ускользнув из оранжево-черных пальцев, Отя шустро, словно маленькая обезьянка, перепрыгнул в Танины руки – едва-едва она его подхватить успела, – и вот уже знакомые горячие ручки-клещики плотно обхватили ее шею, и сердечко затукало под рукой пойманной птицей. И Танино сердце тоже зашло в ответ тревожной радостью, словно его успока-

ивая – ничего, ничего, я с тобой...

Отя напрягся в ее руках и заплакал тихо, яростно в нее вжимаясь. И Таня бы тоже поплакала вместе с ним, да нельзя ей было. Чего ж она, при гостях-то... Обе бабки, одна насквозь французская, а другая из деревни Селиверстово, встали рядом плечом к плечу и молча наблюдали за этой трогательной сценой. Были они одного примерно возраста – обе порядочно старые, чего уж там. Даже походили друг на друга старостью своей и согбенностью, только внешнее решение старости было у них разное, диаметрально, надо сказать, противоположное. Наверное, каждой из них совершенно справедливо представлялось, что это решение и есть единственно правильное в печально-возрастной этой женской стадии и самое что ни на есть достойное. Для бабки Пелагеи, например, это представление складывалось из аккуратного бумазейного платочка на голове, под который можно упрятать сильно поредевшие седые волосы, из такой же бумазейной то ли кофточки, то ли рубашечки в мелкий синий горошек да из длинной, до пят, широкой складчатой юбки, пошитой «на выход», то есть исключительно для походов в ближайший супермаркет да для посиделок на заветной скамеечке у подъезда. Хотя, надо отметить, скамеечку бабка Пелагея больше своими «выходами» жаловала, а супермаркет вообще недолюбливала за его бестолковую людскую надменность. Потому как «идут все, в глаза друг дружке даже не глянут, смотрят жадно на полки с дорогой едой, будто сто

лет ее не евши...».

У гостыи внешнее решение старости было совсем другим, вызывающе-авангардным. Присутствовали в этом решении и откровенно-блондинистый парик, и пудра, ключьями застрявшая в глубоких морщинах – куда ж от них денешься к почтенному возрасту, когда никакие косметические ухищрения-подтяжки уже впрок не идут, – и черный брючный дорогой костюм здесь имел место быть, и тяжелые серьги в ушах, и всякие прочие дорогие украшения в больших количествах. Серьезная такая бабка стояла сейчас перед Таней, вперив в нее тяжелый ревнивый взгляд. Французская, недосягаемая...

– Так вы и есть та самая Татьяна, насколько я понимаю? – прохрипела гостыя-бабка прокуренным голосом. – Что же, давайте знакомиться, Татьяна... Меня Адой зовут. Аделаидой.

– Да-да... Очень приятно... – закивала ей приветливо Таня. – А... Как вас по батюшке, Аделаида...

– А не надо меня по батюшке. Адой и зовите. Меня все так зовут. И спасибо тебе, добрая женщина, что ты внука моего спасла. Я уж потом отблагодарю тебя как следует, сейчас не до того просто. Сын у меня в той машине погиб, и невестка погибла. Сиротой Матвей остался...

– Да-да, я понимаю, конечно... Горе такое... – участливо закивала Таня. – А только... Никакой такой благодарности мне не надо, и не думайте даже! Я ведь не из благодарности,

просто оно само собой так получилось...

– Да. Конечно. Само собой. Само собой...

Лицо Ады вдруг скукожилось в маленький жесткий комочек и стало похоже на сильно запеченное в печке яблоко, затряслось всеми буграми-морщинами. Прикрыв глаза, она без сил опустилась на стул, зарыдала сухо. Бабка Пелагея растерянно развела руки в стороны, быстро взглянула на стоящую столбом Таню, потом метнулась на кухню и вскоре вернулась, неся перед собой стакан с водой.

– На-ко, матушка, попей водички... – склонилась она участливо над Адой. – Ну, не убивайся уж так... Оно, конечно, шибко страшное дело, деток своих хоронить. Но, как говорится, Бог дал, Бог и взял...

– Мотенька, внучек... Ну что же ты... – отодвинув от себя бабушку Пелагею, потянула руки к ребенку Ада. – Я ведь бабушка твоя родная... Иди ко мне, Мотенька...

– Ой, я прошу вас, пожалуйста... – суетливо шагнула от нее Таня, почувствовав, как забился, вжимаясь в нее, мальчик. – Я все понимаю и очень вам сочувствую, но... Нельзя его пока трогать... Вы поймите меня правильно...

– Но как же... Что же мне теперь делать? Не у вас же мне жить теперь! Мне похоронами заниматься надо... – тяжело и трудно, на вдохе, всхлипнула Ада.

– А вы на время его оставьте. Не надо ему туда, на похороны. Он и так потрясение сильное пережил, пусть здесь останется, а?

Ада замолчала, сидела, положив ногу на ногу, горестно задумавшись и слегка покачиваясь. Взгляд ее потух, ушел куда-то в пространство, только руки, казалось, жили сами по себе, отдельной от хозяйки жизнью. Руки нащупали висющую на спинке стула сумку, достали пачку сигарет, зажигалку, сунули тонкую длинную сигарету в губы. И пальцы сработали так же автоматически, щелкнули ловко зажигалкой. Пламя долго горело перед ней впустую, пока она не сфокусировала на нем вернувшийся из неопределенности взгляд. Прикурив, она затянулась глубоко и жадно, и выходящий на выдохе дым, казалось, шел из всех возможных мест – не только из рта и носа, но и из ушей даже. Бабка Пелагея только сморщилась брезгливо, помахав перед собой рукой. Еще раз затянувшись, Ада заговорила тихо и хрипло:

– Вы знаете, Костя так долго ждал сына, так о нем мечтал... Нина, жена его бывшая, родить не могла, больная была очень. Все предлагала ему компромиссы какие-то, полумеры всякие вроде суррогатной матери... А он своего хотел сына, наследника. Говорил – для кого работаю-то? Денег много, а сына нет... Хотя зачем я это вам все рассказываю? Вам-то какое до всего этого дело...

Отрывистые сухие фразы пролетали через облако табачного дыма, будто с трудом через него продираясь. Будто и не с ними она сейчас говорила, а бормотала сама себе под нос свое что-то, горестное, ей одной понятное. Потом замолчала надолго, затянувшись спасительным дымом так, что вя-

лые щеки совсем провалились вовнутрь, и, выдохнув из себя очередное сизое облако, продолжила:

– Да уж, вам никакого дела до всего этого и быть не должно... Чего это я...

– Ну зачем вы так... – жалостливо проговорила Таня, подойдя к старухе сзади и тронув ее за плечо. – Мы с бабушкой очень вам сочувствуем, поверьте... Вы рассказывайте, пожалуйста! Нам правда есть до всего этого дело, и вам легче будет... Насколько это возможно, конечно...

Ада снова задрожала лицом, потянулась рукой к глазам, отставив сигарету. Потом, будто преодолев что-то в себе, снова затянулась, заговорила короткими отрывистыми фразами, будто хлестала плетью по запоздалой своей материнской виноватости. Фраза – удар плетью. Еще фраза – еще удар...

Из короткого этого и горестного рассказа Таня одно поняла: не особо со своим погибшим сыном Ада ладила. А вернее, вообще не ладила с самого его детства. Все они боролись друг с другом... непонятно за что. Характеры у обоих жесткие, видно, были, непокладистые. А потом сын, став взрослым, взял вроде как в этой борьбе верх над Адой – материально опекать ее начал. Вроде как подавил ее волю. Отправил ее на жительство во Францию вместе со своей младшей сестрой. И содержание на это жительство вполне достойное определил. И поступком этим, по словам старухи, совсем будто от них отдалился. Долго они там, во Франции, ничего

о его жизни не знали. Ни как он со старой женой развелся, ни как на малолетке-модели женился... Потом, правда, привез ее один раз в Париж, показал им...

– ...Я тогда только глянула на нее, так и подумала сразу: хлебнет он с этой вертихвосткой горя... Ну какая она ему жена, эта Анька? Глупое кудрявое создание... Одно и достоинство, что хитрости много. У таких бабенок вообще хитрости больше, чем ума. Забеременела быстро, вот он с Ниной и развелся. Потом Матвей родился. А какая из Аньки мать, она и сама еще в куклы не наигралась! Мотя с няньками больше времени проводил, чем с родителями. А недавно Костик позвонил мне – забери, говорит, его, у меня здесь неприятности. А я рассердилась. Сам, говорю, дурак, раз на малолетке женился. Не слушал никогда мать – вот и получи, мол... Да и не умею, говорю, я с маленькими, и Мотя меня не знает совсем, и не привыкнет он ко мне... Откуда ж я знала, что неприятности эти вот так вот обернутся? Прости меня, сыночек, прости...

Она снова затряслась в плаче, осыпая пепел с сигареты на домотканый разноцветный коврик. Потом вздохнула глубоко и будто собралась вся. Затянувшись в последний раз, стала оглядываться лихорадочно в поисках пепельницы.

– Давай уж сюда, сердешная, – забрала у нее из пальцев окурок бабка Пелагея. – Пойду в форточку выброшу, чтоб не пахло табаком здесь. Дитю это шибко вредно...

– Ада, а вы оставьте Отю... Ой, то есть Матвея, у нас. Хотя

бы на время. Пусть он отойдет немного. А там видно будет, – тихо попросила Таня. И не попросила даже, а будто вопрос робкий задала, не надеясь на положительный ответ.

Ада подняла на нее глаза, переспросила удивленно:

– Как это – оставить? Ты чего говоришь такое, девушка? Как это я внука своего родного и вдруг оставлю неизвестно кому?

– Ну почему – неизвестно кому... Просто в тот момент я рядом оказалась, и... ну как бы вам это объяснить... Он теперь за меня цепляется все время. Может, у него ассоциации какие-то подсознательные возникают... В общем, нельзя его пока отрывать, иначе только хуже сделаете! Оставьте, Ада. Пусть ребенок отойдет немного!

– Да вам-то это зачем? Не пойму я что-то. Он ведь вам никто, чужой ребенок...

– Я не знаю зачем, – пожала растерянными плечами Таня. – Просто жалко его, и все. Да и привязаться я к нему успела. На работе сегодня места себе не находила – беспокоилась очень. Домой бегом бежала...

– Ну, не знаю, не знаю...

– Да вы не сомневайтесь, Ада! У нас ему хорошо будет! А вам все равно пока некогда им заниматься – у вас горе такое...

– Ну что ж, может, и правда... Может, и правда пока оставить, раз вы так... к нему прониклись. Потом я, бог даст, в себя приду и займусь уже его судьбой. А пока что ж, пусть.

Недельку-другую пусть у вас побудет. Ну, может, месяц... Только вот условия у вас, конечно, не ахти...

Она оглядела комнату скептически, задержала долгий взгляд и на спинке никелированной бабкиной кровати, и на Танином допотопном диване-книжке с плюшевым на нем покрывалом, и на ярко-красном синтетическом ковре, гордо украшающем стену, и на большой хрустальной вазе на трельяже, празднично переливающейся всеми отмытыми до блеска гранями.

– Да уж, обстановочка... – грустно что-то про себя констатируя, тихо произнесла она. Получилось это у нее совсем даже не обидно. Просто грустно очень, и все. Да и не до обид сейчас было Тане и бабке Пелагее. Соглашалась Ада Отю оставить, и ладно. И бог с ней. Пусть говорит что хочет...

– Ой, да чего там? – махнула рукой примирительно бабка Пелагея. – Обстановка у нас вся как есть замечательная. И спать есть где, и помыться тоже, и супу наварить...

– Ну все равно, знаете... С ребенком оно всегда очень хлопотно... – будто до сих пор сомневаясь в правильности своего решения, медленно проговорила Ада. – Да и накладно...

– Ой, да не хлопотно! Совсем не хлопотно, что вы! И не накладно вовсе!

– А вы кем работаете, Таня?

– Я? Я медсестра хирургическая, в больнице работаю, тут недалеко...

– И что, у вас такая зарплата большая, что ребенка содержать сможете?

– А что, и смогу! Что я, на молоко да на кашу ему не заработаю? Если надо, то я еще и подработку могу взять...

– Нет, не надо... – подняв на нее глаза, грустно усмехнулась Ада. – Просто... странная вы девушка. Я раньше, в те еще времена, таких вот, как вы, много знавала. Думала, сейчас уже перевелись. Ан нет, живы еще, голубушки... Ну да ладно. Вы не обижайтесь на меня, если грубое что сказала. Я вам на Матвея достаточно денег оставлю. Много. И тратьте их, как хотите, не жалейте. И на себя тоже...

– Ой, ну что вы... – оробела вдруг сильно Таня. – Что вы, какие деньги, не надо ничего...

– Да ладно, не надо... Чего уж я – идиотка совсем, чтоб внука просто так в чужие руки подбросить? Говорите мне номер счета, я сейчас запишу...

– А... Какого счета? У меня, знаете, нет никакого счета...

– Что, совсем нет?

– Не-а...

– О господи... Здравствуй, Россия-матушка... Ладно, я сама на твое имя счет открою. Давай паспорт, данные перепису... Да побыстрее поворачивайся, мне торопиться надо!

Передав Отю на руки бабке Пелагее, Таня начала заполошно искать свой паспорт и не заметила даже того обстоятельства, что Ада перешла с вежливо-уважительного «вы» на ласково-понукающее «ты», будто отсутствие у Тани бан-

ковского счета и в самом деле выдало ей на это право. Провожала насмешливо ее глазами, исподтишка, но очень внимательно разглядывая, будто какую диковину. Потом изучила положенный перед ней Танин паспорт, старательно переписала все, что там значилось, в красивую красную книжницу в изысканном переплете, с кармашками, камушками, кнопками и всякими прочими прелестями дизайнерских решений. Закончив, бросила ее небрежно в сумку, поднялась со стула и, ни с кем не прощаясь, быстро пошла из комнаты, выдав на ходу в сторону Тани:

– Скоро человек от меня придет, все тебе расскажет, где и в каком банке счет на твое имя открыт. Жди.

– А... какой такой человек? – уже в спину ей тихо спросила Таня.

– Да какая тебе разница какой? Мой человек. Доверенное лицо, – уже выходя из дверей и слегка полуобернувшись, проговорила Ада. – Он представится, не бойся. Если надо, и в банк тебя свезет. Он хороший парень. Сама увидишь. И денег не жалея, еще раз говорю! Там на всех хватит. Хотя за доброту вашу и рассчитаться-то никак нельзя. Не любит она расчетов, доброта. Ни евро, ни долларов не признает, зараза такая...

Глава 5

Отя в их доме быстро прижился, как тут и был всегда. С зарплаты Таня сходила в магазин под названием «Детский мир», прикупила ему одежонки. И трусиков-маечек, и рубашечку в яркую клетку, и штаны крепкие – болоньевые. Хотела еще новые ботинки Оте справить, да денег не хватило. Так что приходилось ждать, когда единственная его обувка изволит после гулянья на батарее просохнуть – Отя оказался большим любителем по лужам побегать. И зима, как назло, к концу февраля уже свои ледяные флаги свернула, подул неожиданно теплый, совсем уже весенний ветер, и солнышко грело вовсю, норовя быстрее подтопить грязный городской снег. Таня, когда с Отей гулять выходила, стремления его по лужам побегать на корню пресекала, а вот бабка Пелагея могла и проворонить тот момент, когда детская ладошка вдруг исчезала из ее слабой старушечьей руки, и Отя топотал вперед, чтоб шлепнуть от души ботинком по луже. А потом они еще и хохотали до упаду, стар да мал. Таня сердилась, конечно, – что за игрища такие, так и до простуды недалеко. Но наверное, как-то неправильно она сердилась, потому что ни Отя, ни бабка на ее выговоры не реагировали, и мокрые детские ботинки, раззявившись высунутыми маленькими язычками, встречали ее на кухне возле горячей батареи, слегка подсмеиваясь. И Отя встречал ее в прихо-

жей, как обычно – просился на руки, крепко обнимал за шею и клал белобрысую теплую голову на плечо. «Ой, нежности какие телячьи...» – выглядывала из комнаты бабка Пелагея, улыбалась ревниво да беззубо и звала ужинать, ворча, что без Тани «парнишонка и не ест толком, и не пьет, а все тоскует, в тарелку гляючи». Таня в это обстоятельство с трудом верила, потому что аппетит у Оти прямо на ее глазах прорезался вдруг замечательный, только успевай еду подставлять. Сметал все подряд и дочиста – суп так суп, кашу так кашу...

Называл он Таню Няней. И не оттого вовсе, что она с ним нянчилась, а оттого, Таня полагала, что имени ее не мог правильно выговорить. А бабка Пелагея у него в Пеях ходила. Красиво так – Пея. Почти что фея. В общем, обыкновенным мальчишкой оказался, чуть балованным, чуть капризным, но вполне сносным по характеру. Любил на ночь бабкины сказки послушать, засунув в рот большой палец. Правда, просыпался часто среди ночи, начинал стонать совсем как взрослый мужик, горестно и тяжело, но и успокаивался быстро, почуяв прихлопывающую по спинке Танину руку. И еще Отя звонков дверных да телефонных боялся. Вздрагивал, тут же бледнел личиком и мчался со всех ног к Няне да Пее – все равно к кому, кто ближе в этот момент окажется, тому на руки и прыгал...

Так же заполошно примчался и вскарабкался он на Таню и в тот воскресный вечер. Бабка Пелагея как раз очередную мыльную серию по телевизору досматривала, а Таня на кух-

не капусту для борща кромсала. У бабки Пелагеи по кухне выходной был, Таня ее чуть не силой оттуда вытолкала. А что? Разреши ей, так она дневать-ночевать над кастрюлями да противнями будет... Едва она успела нож в сторону отложить, как трясущееся воробьиное Отино сердечко уже под рукой оказалось. И ручки намертво впились в шею...

– Ну, маленький, ну ты чего... – подхватив мальчишку обеими руками, тихо зашептала она ему в ушко. – Не надо так бояться, маленький... Это, наверное, баба Лиза к бабе Пее в гости пришла, чайку попить... Иль на скамеечку посидеть позвать... Они же подружки, бабушки-то... А ты испугался... Сейчас дверь откроем, посмотрим...

За дверью стояла совсем не баба Лиза. За дверью стоял средних лет мужчина. Такой, такой... у Тани аж дух захватило, вот какой. Лицом – будто только что из телевизора. Красивый – не описать. И глаза – ах, какие у него глаза! Умные, насмешливые, так и режут насквозь. Таня живьем таких красивых мужиков отродясь не видывала. Даже зажмурилась поначалу да головой слегка потрясла, чтоб отогнать наваждение. Да и то – откуда ему здесь взяться-то? И впрямь из телевизора, что ли, выпрыгивать? А потом ее будто догадка насквозь прошила – это же тот самый, наверное, который доверенное лицо. От Ады... А вдруг он за Отей пришел? Если так, она не отдаст. Чего это ради? Подумаешь, лицо у него из телевизора...

– А... а вы к кому? – отступая на шаг от двери и при-

жимая к себе ребенка, спросила она, уперев взгляд сначала ему в переносицу, а потом и вообще отвела глаза в сторону, будто скользнула таким образом в спасительно-притворное равнодушие. Застеснялась. Непривычно очень. Вот у врачей-мужчин, с которыми Таня работала бок о бок, таких лиц, к примеру, никогда не бывает. Красивых, веселых, праздничных. У врачей-мужчин лица жизнью слегка приплюсненные, обыкновенные, серо-уставшие, иногда и просто небритые. А этот, кажется, будто улыбнется сейчас пошире и произнесет громко: «...А сегодня в нашей студии известный политик, лидер партии такой-то и сякой-то...»

– Татьяна Федоровна Селиверстова здесь проживает? Я к вам, – мягким баритоном пропел, глядя ей в глаза, незнакомец. – Я так думаю, что вы и есть та самая Татьяна...

– Да... Я и есть... – моргнула растерянно Таня и отступила еще на шаг. Так, на всякий случай. Слишком уж непривычной была для нее ситуация. Такой красивый мужик, и к ней пришел... Прямо живьем...

Вообще, с мужским полом отношения у Тани никак не складывались. Когда с тетей Клавой еще жила, пытался ухаживать за ней один мальчик, ушастенький такой, Славиком звали – бабы-Лизин внук. Да только тетя Клава в корне пресекла это ухаживание, сходяв к бабы-Лизиной дочери, то есть к Славиковой маме, и потребовав категорически, чтоб ее «отродья» она и близко около Тани не наблюдала. Мама Славикова очень тогда за это «отродье» на Таню обиделась,

хотя Таня и невиноватая вовсе была, очень ей этот ушастый Славик нравился... А потом тетя Клава слегла, и совсем бедной Тане стало не до кавалеров – иногда и умыться толком не успевала, не то что на гулянки какие сбежать. Так и время прошло. Когда умерла тетя Клава, Тане уж двадцать семь стукнуло. Не девка, а перестарок, по деревенским меркам. Чистый перестарок, и по всем женским делам тоже. Где ж это видано – к такому возрасту, и бабой не стать... Хотя Таня по этому поводу не грустила – подумаешь, беда какая. Зато у нее любимая работа есть. Зато свой дом. И вообще, она от тети-Клавиных криков еще не отошла как следует, чтоб о таких пустяках заботиться. Да и место свое в женском незамужнем ряду тоже хорошо понимала, потому как были в том ряду девицы и покраше, и поумнее – куда уж ей, дурочке деревенской... Хотя, если честно, и горя этих красивых да умных по поводу случившейся их матримониальной отбраковки понять вовсе не могла. Подумаешь, мужика у них нет! И что с того? Плакать надо? Ходить, очи в землю опустив? Может, это обстоятельство и в самом деле неприятное, да только всего остального да хорошего, в жизни случившегося, вовсе не отменяет. А вдруг мужика этого рядом и не будет никогда? И что? Жизнью не жить, счастья не видать? Нет уж. Обидно как-то. Уж лучше она и думать об этом не будет. Да и не угнаться ей в этом вопросе за городскими... Вон их сколько кругом ходит, тонких-звонких, красивых да модных, и впрямь – куда уж ей за ними с деревенским своим

свекольным румянцем...

Даже и сейчас он ее от себя не отпустил, румянец этот. Тут же разлился по щекам, будь неладен! Еще подумает про нее чего неприличное этот, который из телевизора...

– Пройти-то можно, Татьяна Федоровна? – весело проговорил незнакомец. – Иль так и будете меня на пороге держать? Я ведь, между прочим, к вам с хорошими вестями пришел.

– Это с какими такими вестями? – высунулась из-за Таниного плеча бабка Пелагея. – Ты чьих вообще будешь, мил человек?

– Чьих? А я и не знаю, чьих я, бабушка... – хохотнул мужчина. – Всех своих, стало быть!

– Вы от Ады, наверное. Этот, как его... доверенное лицо, да? – попыталась оттеснить плечом любопытную бабку Пелагею Таня.

– Точно. Оно самое. Доверенное.

– Проходите, проходите, пожалуйста... – торопливо, будто опомнившись, посторонилась Таня. – Чего ж мы в дверях-то, в самом деле...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.